

Моим родителям Ван Яобину и Фан Я

Благодарности

На создание этой книги ушло больше десяти лет, она несколько раз подвергалась существенной правке, и даже накануне публикации мне хочется вносить исправления. Мое беспокойство по поводу завершенности книги говорит не только о сложности проекта, но также, что более важно, отражает бесконечные изменения, произошедшие в Китае и во всем мире, в исследованиях, посвященных феминизму, средствам информации и культуре, начиная с того момента, когда изначально была задумана эта книга. Книга находится в постоянном диалоге со всеми этими изменениями, в ней дается краткий обзор истории социалистического феминизма в Китае с 1920-х по 1960-е годы, прослеживается развитие массовой феминистской культуры начиная с социалистической эпохи Мао и заканчивая дорыночной эпохой постмаоизма (1950–1980-е годы). Учитываются западные теории феминизма 1970-х годов вместе с рядом влиятельных англоязычных исследований 1980-х годов о китайском социалистическом освобождении женщин и переосмыслиется транснациональное будущее феминизма с ориентированными на массы культурными практиками. В итоге и значение, и недостатки книги — результат продолжающегося диалога. Я искренне надеюсь, что моя книга, несмотря на ее неизбежную незавершенность, заставит ученых разных поколений, областей и географических регионов критически задуматься о геополитических и социально-экономических основаниях существующих и зарождающихся научных концепций, а также выработать новые общие принципы, способствующие распространению транснациональных взглядов на эмансипацию, утверждающих комплексный политико-экономический и социокультурный подход и возвращающихся к истори-

ческому материализму в изучении феминистских движений, массовой культуры и женского кинематографа.

У меня получилось закончить эту книгу благодаря широкой и многолетней поддержке и помощи. Стипендии Университета Джона Хопкинса, Национального фонда гуманитарных наук и Пембрукского центра по изучению женского вопроса Университета Брауна предоставили мне бесценную возможность провести исследование в Китае и подготовить рукопись. С идеями из этой книги я выступала на конференциях, симпозиумах, научных семинарах и лекциях. Мне помогли расширить и сделать более подробной мою аргументацию отклики участников этих научных мероприятий, организованных, в частности, следующими университетами и программами: Центром Хопкинса в Нанкине, Гендерным семинаром Центра восточноазиатских исследований Фэрбэнка Гарвардского университета, Пембрукским центром Университета Брауна, Институтом перспективных исследований в области социальных и гуманитарных наук и Школой свободных искусств Нанкинского университета, Центром гуманитарных наук Хеймана и Восточноазиатским институтом Уэтерхеда Колумбийского университета, Центром китайских исследований Мичиганского университета, Институтом мировых литератур и культур университета Цинхуа, Центром восточноазиатских исследований Чикагского университета, Шанхайской академией кино и Колледжем свободных искусств Шанхайского университета, Международным исследовательским центром Гуанци Шанхайского педагогического университета, Университетом Жэньминь, Гуманитарным институтом Университета штата Нью-Йорк в Стони-Брук, Университетом Конкордиа в Канаде, Факультетом коммуникации и сценических искусств Университета Рома Тре в Италии, Фуданьским университетом, Сямэньским университетом, Шаньсийским педагогическим университетом, Центром языка и культуры и Факультетом восточноазиатских исследований Оберлинского колледжа, Факультетом восточноазиатских исследований и Китайским институтом Университета Альберты, Женским колледжем Цзиньлин Нанкинского педагогического университета. Я благодарю всех орга-

низаторов и участников мероприятий за создание пространства, позволившего мне представить эту работу.

В ходе работы меня вдохновляли, помогая сделать более точным мое интеллектуальное видение и приближая мой проект к наиболее инновационным, критическими транснациональным исследованиям в этой научной области, беседы со специалистами по феминизму, кино и медиа, а также с китаистами. Для меня особенно ценны и дороги разговоры и обмен мнениями с коллегами и друзьями, среди них: Ли Сяоцзян, Джейн М. Гейнс, Патриция Уайт, Вероника Праваделли, Тина Май Чен, Э. Энн Каплан, Хайпин Ян, Тая Барлоу, Дун Лиминь, Линн Джойрич, Мэри Энн Доан, Эллен Руни, Лиза Рофель, Сон Шаопэн, Сюэпин Чжун, Ван Чжэн, Сяобин Тан, Чэнчжоу Хэ, Цзы-Лань Дебра Сан, Тамара Чинь, Инджинь Чжан, Филип Розен, Бань Ван, Эллен Видмер, Гейл Хершаттер, Гао Сяосянь, Цзинь Ихог, Кристофер Лупке, Паола Айовен, Кэтлин Энн Макхью, С. Луиза Вэй, Россана Мауле, Джина Марчетти, Чжан Чжэнь, Сю-Чуан Деппман, Шуцинь Цуй, Чжан Лин, Ло Лян и Линь Шаосюн.

Кроме того, я хочу поблагодарить представителей ряда научных издательств. Элизабет Уид и Эллен Руни сопровождали проекты совместной программы по гендерным исследованиям и гуманитарным наукам Нанкинского и Брауновского университетов, опубликовав специальный выпуск журнала «Различия: Журнал феминистских культурных исследований» под названием «Другой гендер, другая сексуальность: китайские особенности» под моей редакцией, в котором вышло мое с Ли Сяоцзян [Li Xiaojiang 2013a] исследование о китайском феминизме 1980-х годов. Затем редакторы специального выпуска журнала «Знак: журнал о женщинах в культуре и обществе» «Феминистские синологии: тематический кластер» [Wang Lingzhen 2015] Нань Да и Ван Жэн предложили мне опубликовать статью о первой женщине-режиссере материкового Китая Ван Пин и ее кинематографической деятельности в социалистическую эпоху. Джон Белтон и Дженнифер Крю из издательства Колумбийского университета включили сборник научных трудов под моей редакцией «Китайское женское кино: транснациональные контексты» [Wang

Lingzhen 2011a], куда вошли мои первоначальные исследования о женщине-режиссере социалистического периода Дун Кэна, в их серию о кино и культуре. И, наконец, благодарю редакторский коллектив «Camera obscura» за его желание опубликовать мое сочинение о Чжан Нуаньсинь — первой женщине, занимавшейся теорией кино и экспериментальным кино в период постмаоизма, «Camera obscura: труды по феминизму, культуре и массовым коммуникациям» [Wang 2019].

Особую благодарность я хочу выразить Патрисии Уайт, редактору выпуска «Camera obscura: труды по феминизму, культуре и массовым коммуникациям», которая предложила мне отправить рукопись книги в их издание на рецензирование, а также рецензенту издательства Университета Дьюка Элизабет Олт. Их транснациональное феминистское мировоззрение и увлеченность своим делом вдохновили меня на то, чтобы собраться с силами и завершить проект. Кроме того, большой вклад внесли и два анонимных рецензента издательства Университета Дьюка, представив ценные комментарии и конструктивные предложения.

Я также благодарю Минь Жуйсинь, ответственного и увлеченного своим делом редактора самого известного китайского журнала по феминизму и гендерным исследованиям «Китайские женские исследования» («The Journal of Chinese Women's Studies»), за ее неиссякаемый энтузиазм и энергию, придавшие особое значение публикации моих статей в Китае. Ван Циньвэй из шанхайского издательства Саньянь («Shanghai Sanlian Press») оказала неоценимую помощь при публикации критической китайской антологии 2016 года под моей редакцией «Пол/гендер по-китайски: исторические различия», в основе которой лежал специальный выпуск «различий» — «Другой гендер, другая сексуальность: китайские особенности». Спасибо Сун Чжао (дочери Ван Пин), Мэн Хуэй (дочери Чжан Нуаньсинь) и Чжэн Дашэну (сыну Хуан Шуцинь) за бесценные исторические фотографии их матерей за работой над фильмами. Благодарю Розмэри Питерс-Хилл за ее содержательную редакторскую правку и беседы, Сяо Хуа за его безустанный труд по переводу моих

статей на китайский язык, Кейт Чуга за ее тщательную редактуру, Лору Маги за прекрасное и талантливое оформление обложки книги и Кейт Херман из издательства Университета Дьюка за исключительную поддержку на завершающем этапе подготовки моей рукописи.

Я от всей души благодарна четырем китайским женщинам-режиссерам, творчество которых я изучала в этой книге, — Ван Пин, Дун Кэна, Чжан Нуаньсинь и Хуан Шуцинь, — чей жизненный опыт и работа в кинематографе в социалистическом и постсоциалистическом Китае служат для нас неиссякаемым источником материала для исследования переплетающихся отношений между масштабными явлениями, такими как социоэкономические институты, геополитика, феминизм и массовая культура, и такой субъективной частностью, как индивидуальное творчество. И их беспрецедентные достижения, и их ограниченность, обусловленная историческим контекстом, заставляют нас переосмыслить феминизм и женский кинематограф в контексте современного мира, таким образом влияя на формирование иного понимания гендера и истории и альтернативного представления о феминистской социально-культурной деятельности в будущем.

Эта книга посвящена моим родителям, Ван Яобину и Фан Я. Они отдали свою юность социалистической революции и строительству социализма, пострадали во время «культурной революции» и пережили стремительную рыночную трансформацию в современном Китае, но сохраняют надежду и веру в идеи социальной справедливости, равенства и лучшей жизни для всех и мира во всем мире.

Введение

С начала эпохи маоизма в 1949 году и до конца первого десятилетия экономической реформы постмаоизма около 1987 года китайские женщины-режиссеры играли ведущую роль в производстве популярной и массовой феминистской визуальной культуры. Работая в обычном социалистическом обществе, для которого гендерное и классовое равенство считалось основополагающим и в котором на государственных киностудиях поддерживали женщин-режиссеров, творческие эксперименты и новые социалистические ценности, боровшиеся с патриархатным сознанием китайские женщины-режиссеры проявляли личную и социальную активность. Они находились в центре создания и трансформации социалистического пролетарского массового кино и возглавляли его; женщины-режиссеры не только снимали фильмы, выражающие социалистическое мировоззрение, этику и позиции субъекта, они также внесли свой вклад в разностороннее развитие социалистического культурного воображения и эстетики, значительно увеличив зрительскую аудиторию. Их работы служат примером целостного социалистического феминистского подхода к кинематографической репрезентации в первые 17 лет социалистического Китая (1949–1966 годы) до Великой пролетарской культурной революции (无产阶级文化大革命, *Учань цзецзи веньхуа да гэмин*; далее «культурная революция», 1966–1976 годы). Женщины-режиссеры были первыми, кто занялся экспериментальным социально ангажированным кино в первое десятилетие эпохи постмаоизма (1976–1986 годы). Они сняли большое количество популярных социально-политически ангажированных и художественно-экспериментальных фильмов

и тем самым внесли существенный вклад в мировой женский кинематограф и феминистскую культуру.

Однако в исследованиях, посвященных феминизму и кино в Китае и за его пределами с конца 1970-х годов, достижения женщин-режиссеров долгое время не признавались или не оценивались по достоинству. Это общее пренебрежение нельзя считать чисто культурным или связанным с их половой принадлежностью феноменом. В конце 1970-х и в 1980-е годы весь мир подвергся ряду геополитических и экономических трансформаций: начало второго периода холодной войны (1970–1985 годы), распространение капиталистической глобализации с последующим ослаблением во всем мире позиций левых и усилением новых правых сил, экономические реформы в Китае. Падение Берлинской стены в 1989 году и распад Советского Союза в 1991 году положили конец пассивно-агрессивной политике холодной войны, но это «завершение» на самом деле свидетельствовало об окончательной победе капитализма над социализмом. Однако так называемое завершение не только раздувало пламя капиталистической идеологии холодной войны, но также способствовало развитию неолиберализма во всем мире. Эти мировые движения в целом привели к культурному повороту в транснациональном интеллектуальном мире, отходу от сомнений в социально-экономической состоятельности капиталистических систем и от обязательной геополитической значимости эстетических ценностей и культуры¹. Эти глобальные изменения также оказали сильное влияние на феминистские движения. Сомнению подвергся не только марксистский феминизм, постепенно — с подъемом радикального и культурного феминизма в 1970-х годах — стала отвергаться и связь между классом и гендером, а также историческим материализмом [Hennessy, Ingraham 1997]. «Освобождает ли социализм женщин?» — этот вопрос, часто

¹ Об общем культурном и эстетическом повороте в западном и китайском контекстах начиная с 1970-х годов см. [Jameson 1998; The Cultural Logic 2016; Leenhouts 2003]. О внеисторическом, культурном и индивидуальном повороте в феминистской деятельности см. [Hennessy, Ingraham 1997: 1–3; Fraser 2013: 139–188, 209–228].

возникавший во время холодной войны и который в начале 1970-х годов впервые подняла западная наука в отношении Восточной Европы², вновь стал предметом широкого обсуждения в начале 1980-х годов, особенно при обращении западного феминизма к социалистическому Китаю. Быстро набравшие популярность радикальное и либеральное определения феминизма как независимой индивидуалистической деятельности предполагали однозначно отрицательный ответ на этот вопрос [Stacey 1983: 1–5]³.

Во время осуществления экономических реформ для переоценки «культурной революции» и ослабления политического контроля над культурным производством китайское партийное руководство в 1978 году запустило кампанию по «идеологическому раскрепощению» (思想解放, *Сысян цзефан*). В этот период разнообразия социально-политических воззрений и культурного плюрализма появилась китайская женская автобиографическая литература и субъективное экспериментальное кино. В середине 1980-х годов набирали темпы экономические реформы, и в Китай проникало все больше западных либеральных теорий и научных знаний, на которые сильное влияние оказала холодная война. Однако все большую массовость обрела идеология просвещенной современности (научной правды, общей рациональности, человеческой природы и индивидуалистической субъективности), экономического развития и сексуальных различий (как противоположных гендерному равенству). В области культуры и кино набирающая темп «культурная лихорадка» (文化热, *вэньхуажэ*) начала 1980-х годов вылилась в движение «поиска корней» (寻根运动, *сюньгэнь юньдун*) середины 1980-х годов, которые провозглашали силу культурного (бес)сознательного, мужской жизненной энергии, (мужской) интеллектуальной рефлексии и независимой эстетики авангарда⁴. Психоанализ Фрейда, коллективное бессознательное и архетипы Юнга, теория

² Этот вопрос впервые подняли английские ученые в начале 1970-х годов относительно освобождения женщин в Восточной Европе. См. [Scott 1974].

³ Также я подробно рассматриваю эту тему в главе 1.

⁴ Подробнее о культурном движении в Китае в середине и конце 1980-х годов см. в главе 5. Также см. [Zhong 2000].

цивилизаций Арнольда Тойнби и древняя китайская философия и культура Ли Цзэху — вместе взятые — успешно продвигали абстрактную универсальную психокультурную структуру, независимую от исторических и социокультурных изменений [Яо 1989: 215]. Китайский феминизм эпохи постаоизма, возникший в начале 1980-х годов как ответ на существующие в социалистическом Китае гендерные проблемы, был также связан с новыми экономическими и социокультурными тенденциями. В попытке сравняться с общими феминистскими ценностями и «передовыми» практиками феминизма, чаще всего соотносимыми с западным либеральным феминизмом после второй волны, феминизм постаоизма середины и конца 1980-х годов отстаивал независимость женского сознания, существенность половых различий и критику патриархатной культуры [Ли Сяоцзян 1988а; Юань 1990: 1–3]⁵. Этот официальный и интеллектуальный поворот эпохи постаоизма к универсальному (либеральному и аполитичному) стандарту правды, гуманизма и экономического развития явился причиной отхода от центральных устремлений социализма — направленных против структурной несправедливости и социально-экономического неравенства — и отказа от социалистического феминизма и социалистической пролетарской ориентированной на массы культуры. В рамках новой системы общего мирового рынка и культурного (пост)модернизма китайский социализм эпохи Мао часто представлялся и подвергался критике как отсталый, феодальный, аномальный и патриархатный — то есть политически, экономически и культурно негативное состояние, от которого Китай должен избавиться⁶.

В конце 1980-х и начале 1990-х годов, когда исследователи феминизма и кино в Китае и за его пределами наконец обратили внимание на китайский женский кинематограф, критерием для оценки деятельности женщин в культуре уже служили либераль-

⁵ Подробнее о западном феминизме после второй волны и его влиянии на формирование феминизма эпохи постаоизма см. в главе 4 этой книги.

⁶ Подобные критика или обвинения громко прозвучали в повлиявшем на общественное мнение популярном документальном телесериале «Речная элегия», впервые вышедшем на экраны в 1988 году.

ный феминизм и феминизм после второй волны. Эти критерии касались индивидуального/индивидуалистического сознания, независимого от женской сущности и/или различий, а также критики мужчин, важности творческой маргинализации и низвержения устоев⁷. Разочаровавшись в результатах исследований китайского женского кино, эти ученые неизбежно приходили к двум заключениям. Во-первых, женщины-режиссеры эпохи Мао пассивно соглашались с социалистической политикой, подражали мужчинам, подавляя свою женскую сущность или различия, и создавали массовое пропагандистское — и тем самым нефеминистское — кино [Юань 1990; Дай 1994; Dai 2002b: 134; Cui 2003: 171–199]. Во-вторых, женское экспериментальное кино 1980-х годов, несмотря на его явную субъективную стилистику и индивидуальное сознание, свидетельствовало о значимой двойственности взглядов на коллективные ценности, роль государства и социалистические принципы справедливости и, таким образом, не могло оторваться от социалистической политической идеологии и массовой культуры [Berry 1988; Kaplan 1989; Дай 1994: 277].

Общий отказ от социализма и социалистической феминистской массовой культуры подняли серьезные вопросы о мире сегодня и о феминистской деятельности в будущем. Какие положения, взгляды и представления были отвергнуты и утрачены из-за глобального отрицания социалистического опыта, особенно связанного с феминизмом и средствами информации? Каково значение открываемого заново наследия китайской социалистической женской культуры в современном мире, где международный рынок и транснациональные средства информации полностью обходят вниманием женский кинематограф и другие социокультурные начинания? И как нам заново ввести в обиход историю китайской социалистической массовой культуры и работать с обновленными транснациональными и материалистическими теориями феминизма и средств информации, чтобы достичь альтернативного свободного взгляда на феминистское кинопроизводство сегодня и в будущем?

⁷ См. главу 6 этой книги, где эта тема рассматривается подробно.

С начала 1990-х годов, когда конец холодной войны ознаменовал победу западного капитализма, а мировой неолиберализм и маркетизация привели к социополитическому кризису, в том числе отрицательно сказавшемуся на статусе женщин и представлениях о женском равноправии, исследователи и активисты феминистского движения во всем мире пристально изучали опасную связь между современным (после второй волны) феминизмом, неолиберализмом и фундаментализмом свободного рынка⁸. Отягощенная кризисом ситуация, в частности, побудила феминисток пересмотреть социально-экономические представления и международное наследие второй волны феминизма и возродить социалистический феминизм [Fraser 2013: 9] с его системной критикой капитализма, цельным социалистическим освободительным видением будущего и потенциалом в заключении транснационального феминистского политического союза против мирового неолиберализма.

Расцвет транснационального феминизма в начале 1990-х годов отражал и «разделяемый или общий контекст борьбы благодаря общему изучению и преодолению барьера между севером и югом», и потребность феминизма не только «дестабилизировать ... главные границы нации, расы или гендера», но также спланировать феминистскую деятельность по новому образцу с геополитической привязкой и историко-материалистическим подходом⁹. Критический пересмотр теории и практики социалистического феминизма в этот исторический момент поможет достичь новой транснациональной солидарности среди феминисток, привнося в политико-экономическую структурную трансформацию культурные и этические вопросы и формулируя альтернативную феминистскую модель мира после холодной войны.

⁸ См. [Eisenstein 2005; Fraser 2013: 209–226; Hennessy, Ingraham 1997: 1–3].

⁹ О разделяемом контексте см. [Mohanty 1991: 4]; о дестабилизации см. [Grewal, Kaplan 2000]. О значимости, а также ограниченности транснациональной феминистской теории и ее дальнейшем развитии в китайском контексте см. [Wang Lingzhen 2011c: 11–22]. Критическую переоценку исторического материализма в феминистских исследованиях см. в [Hennessy, Ingraham 1997a].

В этой книге рассматривается геополитическая история, феминизм и женское кино в социалистическом Китае эпохи Мао и после нее, а также непосредственно затрагиваются пересмотренные транснациональные феминистские принципы. Осторожно переоценивая социалистическую феминистскую культуру периода 1950–1980-х годов, я показываю критическое значение социалистического законодательно закрепленного (институционализированного) феминизма и массового женского кинематографа для современных феминистских медийных практик, выдвигаю на передний план массовость их зрительской аудитории, многоплановость организации и комплексный подход к гендеру и культуре. Одна из наиболее срочных и важных задач современных исследований феминизма и феминистского медиа заключается именно в том, чтобы заново соединить на первый взгляд автономные области или предметы — такие как эстетика, технология, информационное пространство, текстуальность, пол и гендер и индивидуальная деятельность — с общей картиной социально-политического окружения, движений мирового рынка и транснациональных медиа и культурных сил. В частности, я изучаю структурные и институциональные связи между автономными предметами и общими картинами, тем самым оспаривая косвенно выраженную веру в то, что культурная, технологическая или феминистская деятельность может быть независимой от политических и экономических систем и что эти якобы автономные виды деятельности сами по себе могут значительно изменить современный мир. Культурная деятельность, технологические новшества и индивидуальное творчество обладают соответствующими возможностями, чтобы оспорить статус-кво, но мое исследование показывает, что только комплексная феминистская культурная деятельность может четко сформулировать альтернативный взгляд на будущие социокультурные трансформации. Только в рамках многостороннего подхода можно критически изучить политическое и организационное устройство, социальное и эстетическое воздействие и исторические ограничения этих автономных видов деятельности.

Уделяя основное внимание геополитическим и комплексным подходам к социалистической революции, китайскому феминизму и женскому кинематографу, это исследование ставит перед собой следующие цели. Во-первых, я рассматриваю политические и исторические последствия того, каким образом были отвергнуты социалистический феминизм и социалистическое массовое кино. В этом исследовании я показываю причастность на первый взгляд не связанных между собою мировых сил, в том числе международную феминистскую деятельность, которая стремится стереть эту важную альтернативную социально-политическую и культурную практику из истории современного мира. Во-вторых, я уточняю определения ряда важных понятий, таких как социалистический феминизм, массовая культура, феминизм постмаоизма и экспериментализм, в китайском контексте и предлагаю новый подход к истории китайского феминизма и социалистического кино. В-третьих, я впервые излагаю историю китайского женского кино: его возникновения и развития в рамках социалистических организационных преобразований гендера, культуры и зрительской аудитории, а также социалистической коллективизации экономической собственности и киностудий в 1950-х и начале 1960-х годов; его возвращения после провала «культурной революции»; его плюрализации в начале и середине 1980-х годов, связанной с движением за освобождение мысли и экономической реформой, инициированных государством; его вытеснения на задний план и отказа от него в конце 1980-х и 1990-х годах, когда ведущую роль стали играть рыночная глобализация, общемировой модернизм, постмодернизм и отстраненная эстетика мужественности, а феминизм постмаоизма двигался в направлении либерализма и культурного феминизма.

Это исследование ни в коей мере не упрощает и не идеализирует социалистический феминизм и его массовую кинематографическую деятельность. Скорее, переосмысление истории китайского социалистического феминизма ведет к критическому пересмотру его теоретических, исторических и политических проблем: недостатков марксистской гендерной теории, оказания давления на китайскую сельскую и традиционную культуры —

вместе с полуколониальной и бурной историей Китая Нового времени, — сказывающихся на женском равноправии, и сложных геополитических и социально-экономических причин, из-за которых социалистический феминизм не признается в современном Китае. И, наконец, что не менее важно, в центре исследования оказываются четыре женщины-режиссера и их фильмы: Ван Пин (王苹, 1916–1990 годы) и Дун Кэна (董克娜, 1930–2016 годы), работавшие в 1950-х и 1960-х годах, и Чжан Нуаньсинь (张暖忻, 1940–1995 годы) и Хуан Шучинь (黄蜀芹, родилась в 1939 году), работавшие в 1980-х годах и в начале 1990-х годов. Через призму их творчества я показываю, как художественная деятельность отдельных женщин и историческое значение снятых ими фильмов зависят и неотделимы от динамического взаимодействия геополитических, социально-экономических, культурных и индивидуальных сил. Это означает, что их деятельность не является никоим образом данным чем-то свыше или независимым. В четырех главах, посвященных этим женщинам, также прослеживается (транс)формирование гендера, эстетики и социалистической профессии режиссера, особое внимание уделяется той важной роли, которую играли китайские женщины в производстве и разнообразии массовой культуры, и взаимодействию их творческих воззрений с различными видами феминистской культурной деятельности. Чтобы лучше понять место этих режиссеров в китайском кино с 1950-х и до конца 1980-х годов, в этих четырех главах также рассматриваются и другие фильмы современных режиссеров — мужчин и женщин.

Китайская феминистская кинокритика времен постмаоизма возникла и приобрела влияние на рубеже 1980-х и 1990-х годов, когда Китай начал расширять границы своего рынка, а китайское массовое кино оказалось перед лицом официальной приватизации и коммерциализации. Исследователи феминистского кино периода постмаоизма, изучая женское кино социалистической эпохи Мао и эпохи экономических реформ, продолжили развивать взгляды постмаоизма 1980-х годов, еще дальше отступив от принципов интегрированного социалистического феминизма и гендерного равенства в сторону сепаратистского гендерного

подхода и существенных женских отличий. В качестве обоснования для пропаганды маргинализованного, авангардистского и разрушительного женского кино они также использовали западные феминистские теории кино и постструктурализма, подвергая сомнению то, что женское массовое кино эпохи социализма было феминистским. Эта книга организована по хронологическому принципу; чтобы обратиться к вопросам, поднятым, в частности, исследователями феминистского кино эпохи постмаоизма, и тем самым вызвать критический диалог между китайским женским кинематографом прошлого и современными теориями феминизма и кино, в четырех главах о женщинах-режиссерах я также уделяю внимание кинокритике и феминистским исследованиям, опубликованным с конца 1980-х годов.

***Транснациональные концепции,
теоретические вопросы и политика***

Я использую в книге несколько важных терминов и понятий, которые требуют построения новой критической теории и исторической проработки, объясняющей значение их геополитических, экономических и социокультурных различий. В основном понятия и теории критически переосмысляются в конкретных главах, но два следующих термина — *социалистический феминизм* и *массовая культура* — требуют разъяснения в этой вводной главе: они или перекликаются с другими терминами, использующимися при изучении особых геополитических и социокультурных значений в китайском контексте, или вводят совершенно иные аналитические парадигмы при использовании в других политических и экономических условиях или системах. Поскольку два этих термина также являются основополагающими для общей структуры и основной идеи книги, я коротко поясню, почему я решила использовать их и как их переосмысление может помочь в изучении китайского феминизма, культуры и женского кино 1950–1980-х годов.

Социалистический феминизм

Термин *социалистический феминизм* не использовался и не имел распространения в истории ни Китайской социалистической революции (также ее называют «новой демократической революцией», 1921–1949 годы), ни социалистического Китая при Мао (1949–1976 годы). Использовался термин «освобождение женщин» (妇女解放, *фуньюй цзефан*). Я употребляю в этой книге как структурирующее понятие «социалистический феминизм», а не «освобождение женщин», по двум причинам. Во-первых, освобождение женщин как современное прогрессивное понятие относится к движениям, направленным на искоренение угнетения женщин и гендерного неравенства в истории человечества. Несмотря на универсальное использование этого термина, конкретные основы, цели и содержание движений за женское равноправие в разных геополитических регионах в разные исторические периоды, а также в разных политико-экономических системах не одинаковы. Женское равноправие в западном капиталистическом контексте ориентировано на буржуазный индивидуализм, женское независимое сознание и равенство в правах и перед законом мужчин и женщин. Освобождение женщин в странах третьего мира обычно связывается с современным антиколониализмом и буржуазно-национальными движениями за независимость. А социалистическое освобождение женщин направлено на разрушение капиталистической политико-экономической структуры, порождающей не только гендерную иерархию, но также классовое, расовое и региональное неравенство. И самое важное — социалистическая теория освобождения женщин не отделяет проблемы женщин от других видов структурного неравенства; наоборот, утверждается, что проблема угнетения женщин не может быть решена, пока продолжается угнетение на других уровнях. Как экстраординарное феминистское движение, которое помогло построить социалистическую страну, где гендерное и классовое равенство стали нормой, китайское движение за освобождение женщин отличается многоплановостью: оно явилось частью национально-освободительного движения, пролетарской революции и междуна-

родной социалистической антиимпериалистической деятельности. Китайское социалистическое освобождение женщин, как и Китайская социалистическая революция, — это долгий, сложный и транснациональный процесс, состоящий из буржуазных и пролетарских революционных задач и направленный на достижение социалистической свободы через полное уничтожение и изменение капиталистических и иных форм патриархатных социально-экономических структур [Meisner 1996].

Проблемы возникли в 1970–1980-х годах, когда западная идеология холодной войны с радикальным культурным феминизмом, отвергавшим и марксистскую теорию, и левые движения и утверждавшим универсальные ценности западного «освобождения женщин» — индивидуализм, независимость и существенные женские различия, — (пере)ориентировала представления западных ученых об освобождении женщин в социалистическом мире. Давно забытый вопрос «Освобождает ли социализм женщин?» обрел новую жизнь в западных феминистских исследованиях 1980-х годов. В этих исследованиях рассматривалась ситуация, сложившаяся к тому времени в социалистических странах, в том числе в Китае, где противопоставлялись социализм и феминизм. С начала 1980-х годов «почти все ученые-феминистки и в США, и в Китае, задавались этим вопросом», и тема противопоставления социализма и освобождения женщин (основанного на западной модели) так или иначе звучала в большинстве феминистских исследований [Rofel 1999: 21]¹⁰. Ученые, изучавшие вопрос «Освобождает ли социализм женщин?», в поисках ответа часто исходили от противного, а именно: искали ответ на вопрос: «Почему социализм *не*¹¹ освободил женщин?» [Stacey 1983: 5, 10]. Точно так же ученые, утверждавшие, что равноправие женщин в социалистическом Китае находилось на втором плане — откладывалось или не было завершено, — исходили из критериев, заимствованных у западного феминизма, идеологии холодной войны и из универсальных

¹⁰ В главе 4 я упоминаю о том, что первая статья по теории феминизма в эпоху постмаоизма, опубликованная в 1983 году Ли Сяоцзян, касается «женского равноправия».

¹¹ Курсив автора.

капиталистических ценностей. В китайском контексте новая идеология экономических реформ, осуществлявшихся на партийном и государственном уровнях до конца 1970-х годов, явно стремясь добиться делегитимизации «культурной революции» (1966–1976 годы), отбросила ряд центральных для социализма принципов, в том числе гендерное и классовое равенство. В середине 1980-х годов в Китае государство активизировало проведение реформ, поддерживавших научную объективность, экономическую рациональность и технологический прогресс, — поскольку в западном модернизме эти ценности занимали главенствующие положение, им приписывался статус «универсальных истин». В то же время активисты и исследователи феминизма также стали искать универсальный образец для феминистских движений, рассматривая, в частности, феминизм после второй волны, движения радикального и культурного феминизма. Ли Сяоцзян (李小江, родилась в 1951 году) — одна из наиболее известных исследовательниц феминизма эпохи постмаоизма — однажды сказала: «Сравнив западные и китайские феминистские движения, я начала задумываться над тем, действительно ли были освобождены китайские женщины. Следуя примеру западных лидеров движения за освобождение женщин, я стала призывать к пробуждению женского самосознания у китайских женщин [в современном Китае]» [Li Xiaojiang 2013a: 176]. Взяв за образец западное освобождение женщин, феминистки Китая эпохи постмаоизма начали в 1980-х годах воспринимать социалистическое освобождение женщин в социально-экономических и политических сферах как ранний этап феминистского движения, который необходимо пройти, чтобы впоследствии от него отказаться, или же противопоставляли социалистическое освобождение женщин сущностным женским различиям, сознанию и культурному выражению¹².

Социалистический феминизм, таким образом, в меньшей степени несет в себе геополитическую нагрузку, доминирующую при употреблении термина *освобождение женщин*, вместо этого подчеркивая целостность и независимость отношений между

¹² Подробнее о феминизме периода постмаоизма см. в главах 4, 6 и 7.

социализмом и феминизмом в контексте Китайской социалистической революции и социалистического строительства. Более того, термин *освобождение женщин* часто вызывает идеологические споры о критериях и конечной точке его завершения. При употреблении же термина *социалистический феминизм* на первый план выходит социалистическое женское движение в его историческом процессе, в частности, его сложные взаимоотношения с основными социально-экономическими, культурными и геополитическими силами. В действительности ни создание социалистического государства, ни основание официальной организации по борьбе за социалистическое освобождение женщин не свидетельствуют об окончании истории пролетарской и женской революций. Социалистический Китай 1950–1960-х годов находился на самом начальном этапе социалистических преобразований, и, как ожидалось, появление новых внутренних противоречий и международных конфликтов обусловило и (пере)ориентировало процесс и направление его движения. Важно не забывать про исторический и геополитический курс социалистического женского движения, поскольку именно он позволяет нам увидеть особые условия, а также вклад регионального феминизма. Этот курс дает возможность осознать недостатки, общие для социалистического феминизма и социалистической революции в конкретном национальном и интернациональном контексте. Более того, он также подвергает сомнению и без того спорное предположение о том, что окончательное равноправие женщин должно и может быть достигнуто независимо и само по себе в условиях сохранения политических, экономических и социокультурных проблем на местном и мировом уровне.

Во-вторых, использование термина *социалистический феминизм* выдвигает на передний план транснациональную феминистскую парадигму, которая подчеркивает не только то, что международное социалистическое женское движение берет начало в девятнадцатом веке, но также то, что общемировая основа феминистской теории развивалась вместе с теорией марксизма, пролетарскими революциями, социалистическими и другими левыми движениями и иной феминистской деятельностью по

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru